

К проблеме сходства «Манаса» и башкирского эпоса

«Манас» является своеобразной национальной энциклопедией киргизского народа. Он воспевает борьбу с иноземными захватчиками за свободу родной земли, за объединение народа, за его счастливое процветание, за равноправие с другими народами, если выразиться по-современному — за суверенитет, что обобщенно выражено в замыслах, деяниях и подвигах главного героя эпоса, батыра среди батыров Манаса.

В недалеком прошлом женщина на Востоке считалась существом низкого происхождения. Такой она предстает и в литературе — жалкой, униженной и оскорбленной. В то же время народная литература воспевала не только внешнюю, но и духовную красоту восточной женщины.

Еще отец истории великий Геродот, живший в V веке до нашей эры, с восхищением описал подвиг царицы Томириды, которая решительно требует у персидского царя Кира освобождения из плена своего сына: «Если же не сделаешь этого, клянусь солнцем, владыкой массагетов, я утолю твою жажду крови, хотя ты и ненасытен» [9. С.15]. Она сдержала свое слово. Подвиг царицы Ойсылу из узбекского дастана «Ойсылу и Кунбатыр» во многом сходен с подвигом Томириды. Образы семи легендарных девушек, на протяжении долгих лет владычествовавших над всеми огузами, увековечены всемирно известным историком Абулгази в его книге «Родословная туркмен» и напоминают отважную Зарину, царствовавшую над всеми саками, сведения о которой оставил другой древнегреческий историк Ктемиий, живший в конце V — в начале VI века до нашей эры. Древние эпические памятники тюрков довели до нас имена Бурли-хатун, Барсын-Чачак, отважных владычиц своих родов. Достойное место в галерее портретов подобных прекрасных женщин-богатырок занимает и Каныкай, верная жена, ближайшая советчица и опора Манаса. По своей идейной и художественной значимости ее образ по праву занимает ведущее место после образа Манаса во всемирно известном дастане киргизского народа «Манас». Думается, правы те исследователи, которые ставят ее выше главного героя: мудростью и прозорливостью она во многом предопределяет богатырские подвиги своего мужа, хана и главы государства. Каныкай во многом напоминает женские образы башкирских эпосов, такие как Хумай из «Урал-батыра», Зухра из «Алдара и Зухры», Бэндэбика из сказаний о Еренсе-сэсэнэ.

Герои эпических сказаний тюркских народов обычно свои богатырские качества проявляют, будучи еще ребенком. На это обратил внимание В.М.Жирмунский в своей работе «Введение в изучение эпоса «Манас». В качестве примера он привел Алпамышу из одноименного узбекского эпоса, который совершает свой первый богатырский подвиг в возрасте семи лет, а также героев дастанов «Кундуз и Юлдуз» (десятилетнего Нурали, внука Гороглы), казахского эпоса «Урак и Мамай» (сыновей Урака — Карастая и Казы) и Манаса (по варианту С.Оразбакова) [7. С.101]. Приведем пример из эпоса «Манас»:

Акылдаша салышты
Козуну союп алышты,
Жагарга оту жок,
Айран азыр калышты.

.....
Ойсуратты отунду,
От таба алмай отурду.

Так договорились
И ягненка зарезали они.
Не было огнива, чтобы
разжечь [огонь] —
Озадачились они.

.....
Наломали они дров,
И сидели без огня.

Чал, у которого Манас просил огня, отказал ему в просьбе.

Тогуз жашар баланын
Толук ачүү көлгени,
Курдан кырмап алганы,
Оодары тартып алганы,
Чалды жерге салганы [12. С.98—99].

Ребенка девяти лет
Охватил сильный гнев,
[Старика] за пояс он ухватил,
С коня стащил, и на землю бросил [13. С.281].

К числу рано созревших юных батыров относится и другой персонаж из эпоса «Манас», а именно сын Кокбюро-Кюльнар Койонаалы. Будучи мальчиком, услышав о смерти Манаса, своего нареченного отца, при взрослых произносит слова, которые, казалось бы, могут быть присущи только взрослым, и то не всем, а лишь избранным, имеющим богатырские качества.

На поминки [Манаса] я приглашу
Самых славных богатырей.
Мне Манас — нареченный отец.
Я врагов уничтожу вконец,
Завидовавшим внушу я страх,
Беков, ханов повергнув в прах,
Я как вихрь на врага налечу,
Я убью Конурбая Калчу! [11. С.277].

И Койонаалы сдержал свои слова. Сорок ишанов, которые отказались совершить джыназу Манасу, «задрали носы», раздулись, как бурдюки, говоря Аджибею, посланнику Ханыкая: «Богохульник твой друг Манас!», были вынуждены отказаться от своего решения, исхлестанные белой камчой. Пришлось подчиниться воле мальчика-богатыря и великанше Сайкал, быстро забывшей обещание, данное самому Манасу, что она обязательно примет участие в его похоронах и тризне.

В зрелом возрасте подобные Койонаалы герои эпоса обязательно становятся настоящими батырами и совершают героические дела, доказательством тому является сам Манас.

В эпосе «Манас» мы находим примеры того, как разными художественными приемами еще до рождения ребенка предсказывается, что он станет батыром. О том, что бездетному Джакыпу жена Чийырда в старости родит достойного его сына, мы догадываемся, узнав о вещем сне. А увидел Джакып во сне золотокрылого белого орла, к ноге которого он привязал «из тончайшего шелка тесьму» [11. С.16]. Чийырде же, которая уже носила в своей утробе трехмесячный плод, захотелось отведать тигриного сердца. А когда наступил срок, родовые схватки продолжались восемь дней.

У соседок, тянувших дитя,
Онемели руки тогда [11. С.26].

Мальчик рождается, как и будущий владыка мира Чингисхан, со сгустком крови в сжатой ладони. Когда повитухи начали его пеленать, «этот крохотный мальчуган... выдернул руку свою, как мужчина могучих лет», он оказался тяжелым, «словно отрок пятнадцати лет» [11. С.27], Каныкай, которая дала ему грудь, «чуть от боли не умерла». Все эти приметы говорят, что сын Джакыпа станет богатырем.

Образ Манаса типологически в какой-то мере сходен с героями ряда башкирских сказаний. Сходство можно обнаружить и в эпизодах, где он участвует, будучи еще ребенком. Так, например, Кусяк-бий, герой кипчакской версии одноименного башкирского эпоса, когда его отчим Каракулумбат, убийца его отца Бабсак-бия, думая, что ребенок родился от него, подошел к его колыбели и «хотел его поцеловать, тот схватил ручонками его бороду и сильно его потряс, ...в годовалом возрасте он уже имел силу десятилетнего мальчишки, ...вся одежда на нем трещала по швам, превращаясь в клочья. Поэтому рубашки и штаны для него шили из шкуры быка». В семь месяцев он «уже не жметя к своей матери родной. Когда же исполнился ровно год, даже тех, кто старше в пять или десять раз, на лопатки в состязаниях кладет» [2. С.483]. Таким же не по годам сильным растет Кузыйкурпяс, главный герой башкирской версии одноименного общетюркского эпоса: с кем играет, тому ломает то ребро, то руку, то шею.

Примечательно то, что вполне сопоставим мотив предварительного узнавания о рождении будущего батыра в эпосах киргизов и башкир. В эпосе «Манас» о рождении сына Джакып узнает из уст Акбалты, который специально отправился в путь, чтобы первым донести ему добрую весть.

Акбалта коруп акырды,
«Суйунчу!» — деп бакырды [12. С.65].

Акбалта прискакал, заорал:
«Я хорошую весть привез!» [11. С.31].

В беляевской версии башкирского эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу» у Карабая, который, как и Джакып, долгое время не имел детей ни от одной из трех жен, долгожданный сын рождается в его отсутствие. Как и Джакып, в это время он находился в горах, был на охоте. Отличает их в этом сюжетном мотиве лишь цель пребывания в горах: Джакып уходит в горы, боясь, что при рождении сына его сердце не выдержит радости и может разорваться:

Баласы жоктап жудодум,
Эркек деп бироо жугурсо,
Жарылып кетер жорогум... [12. С.56].

Долго ждал я этого дня,
Если весть принесет родня,

Что родился сын у меня, —
То разорвется сердце мое [11. С.24].

Мотив «муж уходит в горы» или «муж удаляется из дома во время рождения долгожданного сына» наблюдается и в сюжетах алтайского и тувинского эпосов. В опубликованных вариантах причина отсутствия объясняется необходимостью охоты за дичью. Возможно, это лишь предположение более поздних сказителей, а в старину отсутствие будущего отца дома во время рождения долгожданного сына вполне могло объясняться по-иному. Но это другой вопрос, который ждет своего исследователя.

Вернемся к мотиву «Карабай получает известие о рождении сына» [2. С.273]. Эту весть, как и в «Манасе», приносит специально отправленный из кочевья (отана) вестник-всадник. Карабай, гостивший в кибитке своего киргизского друга Сарбая, услышал крики киргизов, увидевших во весь опор скачущего к ним человека: «Иштяк! Иштяк!» (т.е. «Башкурт! Башкурт!») Как скоро незнакомый приблизился к ним на расстояние пущенной из лука стрелы, так Карабай узнает в нем пастуха своего, Кархана. «Что за вести?» — громко закричал он. «Суенче! — ответил пастух, — младшая из жен твоих, Алтыша, родила тебе сына благополучно!»

Однако есть одно «но». В эпосе «Манас» мотив «рождение сына в отсутствие отца» или же мотив «вестник приносит добрую весть покинувшему дом батыру о рождении его долгожданного сына», как бы дублируется дважды. Дело в том, что Джакып, отправляющийся в горы, когда начались родовые схватки у жены Чийырды, встречает косяк кобылиц жеребца Джоргобоза и видит саврасую кобылу, которая:

Туруп, жатып, кула бээ
Тууй тороган окшаду... [12. С.58].
То ложится, то встает
Жеребиться пришла пора... [11. С.25].

Внутренняя закономерность, идейно-художественная установка и закон типологии, казалось бы, требуют ограничения на этом. Тогда бы упомянутый мотив воспринимался как предзнаменование начала родов Чийырды. Однако жомокчу-сказитель (Сагымбай Орозбак уду) идет дальше. Якобы «саврасой кобыле Джакып жеребенка родить помогал» [12. С.31]. Цель сказителя понятна нам: он хотел подчеркнуть доброту Джакыпа. Безусловно, благородная цель. Но тем самым, помимо своей воли, он снижает значимость Акбалты, предоставив ему лишь роль глашатая-дублера, а значит, мотиву «батыр узнает о рождении долгожданного сына от вестника» отводится роль мотива-дублера. Недопустимость подобного повтора как бы учитывается в эпосе «Кузыйкурпяс и Маянхылыу». О том, что вскоре станет отцом будущего батыра, Карабай узнает из уст незнакомого аксакала, который сообщает ему: «Карабай! Усердное твое моление ходатайством Магомета, покровителя нашего закона, достигло Всевышнего. Я прислан от пророка возвестить тебя, что родится тебе сын от жены твоей Алтыши» [2. С.268]. Внезапность появления и исчезновения старца, а также такие признаки, как белая борода, благодарность за доброту и щедрость Карабая, который оказал ему доброе внимание: «ввел в кибитку, где на приготовленную постель, покрытую богатыми коврами, просил старца сесть и успокоиться от пути, не спрашивая о причине его приезда» [2. С.268], и то, что он сообщил добрую весть от имени пророка Мухамета, наводят на мысль, что добрым вестником оказался святой старец Хызыр. Не зря Карабай «почел сие (сообщение. — **А.С.**) небесным предзнаменованием

и радостно ожидал счастливого тому события. Вскоре потом младшая из жен его сделалась беременной» [2. С.268].

В других версиях эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу» предзнаменованием того, что у батыра родится долгожданный сын, является поведение животного — оленя. Так, в Кунашакской версии Кусяк-хан своему другу Кусяр-хану с удивлением сообщает: «Встретилась мне олениха. Взял я свой лук, собираясь в нее выстрелить, а она распрямилась и встала передо мной в полный рост, аж молоко из вымени потекло» [2. С.248]. Подобному же случаю, оказывается, был свидетелем Кусяр-хан. И они предполагают, что их жены родят им по ребенку. Есть и такие варианты и версии данного эпоса, в которых предзнаменованием того, что герой приобретет долгожданного ребенка, как и в эпосе «Манас», является сон героя.

С мотивами предзнаменования, сообщения вестником о рождении сына в башкирских эпосах почти напрямую связан мотив «мать скрывает личность дорогого герою человека, невесты либо отца». В «Кузыйкурпясе и Маянхылыу» мать скрывает от сына, что у него есть нареченная, в эпосе «Кусяк-бий» — имя настоящего отца. Но тайна раскрывается в них случайно. И Кузыйкурпяс, и Кусяк-бий еще в отрочестве, имея недюжинную силу, во время игры калечат единственного сына бедной старухи, которая отчитывает обидчиков. «Если бы ты был настоящим егетом, то будущая невеста тебя не бросила бы» [2. С.249]. (Вариант: «Если ты такой богатырь, пошел бы искать свою невесту»). Так отчитывает старуха Кузыйкурпяс. «Дитя мое, если уж ты такой смелый, отплати убийце кровной мстостью за смерть своего отца!» — говорит другая Кусяк-бию [2. С.485]. В обоих случаях по совету одной старухи, чтобы раскрыть тайну, герой обжигает горячим курмасом (каленным зерном) либо ладонь, либо грудь своей матери, и та, не вытерпев боли, вынуждена рассказать сыну всю правду.

Пока оставим вопрос, почему герой пошел именно на такой жесткий поступок, и попытаемся ответить на вопрос, почему «мать скрывает имя дорогого герою человека». Исследователи башкирского эпоса до сих пор на этот вопрос не обращали серьезного внимания. Ключ к ответу мы находим в эпосе «Манас», в котором этот мотив также имеется, более того, он намного усиливается. Перед своей смертью, излагая завещание, Манас говорит:

Не давай Семетею ты знать,
Кто отец его, кто его мать.
От кого он родился на свет:
На уста наложи ты запрет [11. С.260].

То есть, Манас завещает жене скрыть от сына не только свое имя, но и матери, скрыть личности родителей. Почему? Частичный ответ на эти вопросы мы находим в дальнейших словах богатыря.

Но когда подрастет мальчуган
И достигнет двенадцати лет,
Ты священный выбери день
И на сына кольчугу надень, как благодать.
Сообщи, кто отец его, кто мать,
Укажи ему путь на Талас (т.е. на родину отца) [11. С.260].

Двенадцать лет для мальчиков у тюркских народов (шире — у мусульман) считается возрастом зрелости. До принятия ислама этот возраст мог определяться по-другому. Но не в этом суть. Суть в том, что до вхождения героя в зрелый возраст запрещалось не только облачаться в кольчугу и брать оружие в руки, но и даже иметь собственное имя, так как в бытность существования половозрелых или

социальных групп все члены возрастной группы имели одинаковые имена, то есть считались не утвердившими свою личность членами общества. Только победив кого-нибудь и пустив его кровь, мальчик имел право получить собственное имя, что прекрасно изложено в первой песне «Книга отца нашего Коркута». Во время игры сына Дирсе-хана со своими сверстниками в «бабки» (ашык уйыны) на них нечаянно спустили быка. Сверстники убежали, а сын Дирсе-хана, поборовшись с разъяренным быком, победил его и отсек ему голову, и отец Коркут нарек его Бугач-ханом, намекая на его победу над бугаем-быком. Более того, обратившись к Дирсе-хану, сказал:

Эй Дирсе-хан!
Дай сыну сам
Власть и престол — мужественен он.
Дай быстрогоного, дай скакуна
Ездить верхом — доблестен он.
Дай тьму овец из баранты,
Дай на прокорм — мужественен он.
Дай золотоверхий сыну шатер —
В тени укрываться — мужественен он.
Дай шитый шелком сыну кафтан.
И Дирсе-хан дал власть и престол [8. С.28—29].

Таким образом, «Манас» дает ключ к выяснению вопроса, не получившего до сих пор своего ответа. Героям башкирских эпосов запрещено было узнавать дорогих им людей до того, как они научатся владеть оружием, защищать не только себя, но и своих сородичей.

Кусяк-бий и Кузыйкурпяс просто ускоряют события, обжигая курмасом своих матерей и выпытав тайну. Поэтому этот мотив мы можем рассматривать как один из архаических художественных приемов, связанных с обрядами раскрытия раннего созревания богатыря.

Много притеснений пережили предки киргизов со стороны калмыцко-джунгарских ханов, что нашло свое яркое отражение в эпосе «Манас». После смерти Карахана калмыцкий хан Алооке нещадно грабит его подданных, вынудив их переселиться на Алтай, который считался также прародиной ряда башкирских племен. «Два притока верхнего Иртыша носят названия Большая и Малая Башкурка (Оло Башкорт, Кесе Башкорт)». На карте Махмуда Кашгари (XI в.) башкиры расселены в междуречье верховьев Иртыша и Или (или Ишима), которое в этнографических источниках обозначается как «степи башкуртов», «башкуртские земли» [10. С.137]; «древние башкиры долгое время кочевали между Иртышом и Аральским морем» [10. С.138]. Не случайно в башкирской народной песне «Урал», давно признанной у нас национальным гимном, звучат такие немного странные слова:

Арал диңгезенән Алтайғаса
Йәйелеп ята башкорт далаһы.
Йырҙарың күп һинен, мондарың күп,
Әйзә, йырла, башкорт балаһы.

От Аральского моря до Алтайских гор
Простираются степи башкир.
Песен у тебя много, мелодий много,
Пой же, пой, дитя башкорта.

(Подстрочный перевод).

Одна из версий башкирского эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу» в литературной обработке Тимофея Беляева также начинается с упоминания верховьев р. Иртыш, где жил башкир Карабай, отец главного героя этой эпической поэмы: «При вершинах реки Иртыш жил почтеннейший в роде башкирском муж, именовавшийся Карабаем. Башкирцы, видя одного его кочующего, присоединились к нему несколькими кибитками. Карабай..., собравшись с жителями своего коша (аула, стана. — **А.С.**), ездил в степь киргизскую ловить и бить зверей» [2. С.267]. Там он и встречается с киргизским батыром Сарабаем, который, услышав о поединке смелого башкира со степным львом и победе его, «более всех желал увидеться и с ним познакомиться». Два батыра в знак знакомства и дружбы дарят друг другу по два аргамака. А после того, как Карабай спас Сарабая от свирепого льва и стало известно, что в их отсутствие в своих кошах жена одного из них, а именно башкира, родила сына, а жена другого — дочь, они клятвенно заверяют друг друга, что в будущем обязательно породнятся [2. С.269—273].

В фольклоре башкир этноним «киргиз» часто употребляется в значении «казах» или «кыр-казах» («степной казах»). Так же этимологизируется он современными фольклористами, которые занимаются изучением беляевской интерпретации эпоса, хотя очевидно, что автор употребляет этот термин в прямом его значении (вспомним «степь киргизскую» у истоков Иртыша, где башкирский батыр Карабай встречается с киргизским батыром Сарабаем). Примечательно, что эти места связаны с именем главного героя эпоса «Манас», о чем писал еще Ч.Ч.Валиханов: «Киргизы говорят, что город Манас около Урумчи и урочище того же имени на верхнем Иртыше получили свое название от имени этого героя» [4. С.40], что подтверждается материалами недавней археологической экспедиции под руководством Ю.С.Худякова (Новосибирск). Ныне город Манас находится на территории КНР (после оккупации и передачи Советским Союзом Исламской Республики Восточный Туркестан Китаю).

«Страна киргизов» упоминается в опубликованной в 1910 г. Мажитом Гафури версии эпоса «Заятуляк и Хыухылыу»: «Бынан күп замандар элек, кыргыз илендә «Унсан-уймат» тигән йортта Һары Мыркыз (Мэркәз. — **А.С.**) исеMLE хан бар ине» («В давние-предавние времена в стране киргизов в юрте Унсан-уймат был один хан по имени Хары-Мыркыз» [5. С.165]. Известный башкирский эпосовед Кирей Мэргэн предполагал, что, говоря о «стране киргизов «Унсан-уймат», сказители, возможно, имели в виду одну из этнических групп башкир, обитавшую в нижнем течении р.Агидель и имевшую самоназвание «киргизы». Однако топоним «Унсан-уймат» на территории ни нынешнего, ни Исторического Башкортостана не обнаружен. К тому же Заятуляк, младший сын Хары-Мыркыса, от преследований завистливых старших братьев, рожденных от старшей жены хана, спасается бегством на тулпаре Бузса-тай. Как известно, тулпаром в фольклоре тюркских народов называют мифического крылатого, а значит, способного летать коня. Так вот, Заятуляк на своем тулпаре летит семь дней и на восьмой день оказывается на горе у озера Асылыкуль, т.е. в западной части территории современного Башкортостана. Следовательно, за этот срок герой эпоса должен был преодолеть огромное расстояние, что дает нам возможность предположить, что, упоминая страну киргизов Унсан-уймат, сказители подразумевали не этническую группу башкир — «киргизов», а, как и в беляевской версии эпоса «Кузыйкурпяс и Маянхылыу», далекий Киргизстан и, возможно, верховья Иртыша, т.е. места, связанные с именем главного героя эпоса «Манас».

В свете сказанного уместно напомнить строки из эпоса «Манас», где описывается тризна по Кокетею. К роскошной юрте Манаса валил поток гостей:

Людей из малых и больших,
Киргизам родственных племен
И людей совсем чужих.
Многоязычный, разный народ,
Поневоле праздный народ:
Люди из мусульманских стран,
Из ближних туркестанских стран,
Из дальних аравитянских стран,
Из ойратско-буддийских стран,
Из китайско-индийских стран,
Из необъятных славянских стран,
Из Закатных франкских стран [11. С.64]...

В различных вариантах эти строки повторяются несколько раз. В приведенном отрывке обращает на себя внимание вторая строка: «Киргизам родственных племен». Кого конкретно имели в виду сказители? Ответ на этот вопрос мы находим во втором варианте перечисления гостей:

Там был Кокчо, казахский хан,
Был Эр-Тоштюк — Элеманов сын,
Сын Эштеки-Джамгырчы,
Джедыгера сын — Багиш,
Чал-Джеткира сын — Агыш [10. С.84]...

Отсюда ясно, что под родственными киргизам племенами подразумевались казахи и эштеки-башкиры. Кстати, среди башкир издавна бытовали предания о роде Ямгырсы, братьях Багише и Агише. Здесь же кроется ответ на вопрос, поставленный М.Ауэзовым, который писал: «Тождественно ли это древнее название «естек» башкирскому названию «истек» или названию северных народов Азии — остяков?» [1. С.63]. Конечно, имелись в виду башкиры, которых в Средней Азии и Казахстане поныне называют «истяками».

Из сказанного вытекает, что наши предки общались более тесно, чем мы, их потомки. Такая общность исторических судеб позволяет предполагать общность их этнических корней. Не случайно более 800 башкирских тамг ряда родов, например, кыпчаков, минцев, табынцев и других, имеют весьма близкие сходные элементы с тамгами тюркских племен Алтая и Средней Азии, а ряд этнических групп башкир до сих пор имеет самоназвание «киргизы», «киргиз-гыны», «киргиз-казахи» [10. С.22, 33, 64, 71]. Сохранился компонент «кыргыз» и в названиях ряда населенных пунктов Башкортостана: Киргиз-Мияки — центр Миякинского района, Киргизово — аул в Краснокамском районе, Киргиз-Муйнак в Зианчуринском районе и др. Но главное — созвучность идей эпоса «Манас» с основными идеями башкирских эпосов. Это борьба за свободу и единство народа, родной земли, Отечества. Наиболее полно они воплощены в образах Урал-батыра, Хаубана, Узак-Тузака, Алдара, Кусяк-бия, Ек-Мэргэна и многих других, которые стоят в едином ряду с образом Манаса. Особой выразительности эти идеи достигают в завершающих строфах национального эпоса башкир и киргизов. Урал-батыр, завершив земную жизнь, перед уходом в мир иной говорит сородичам:

Пусть станет добро вашим именем,
Пусть имя будет вам — Человек,
Злу не давайте дорогу вовек,
Пусть мир и добро пребудут вовек [2. С. 129].

Якшылык булһын атығыз,
Кеше булһын затығыз.
Яманға юл куймағыз,
Якшынан баш тартмағыз! [3. С. 128].

А вот что говорит Каныкай после смерти Манаса:

Я прошу, умоляю вас, —
Прекратите раздоры теперь,
Спорят ханы — страдает народ!
Если жить мы будем вразброд
И народ не будет един, —
На киргиза пойдет аргын,

Все мы станем добычей врагов... [11. С.297].

Как современно и актуально звучат сегодня эти слова!

Завершая свою статью, отмечу, что при еще более подробном сопоставительном анализе башкирского эпоса с киргизским можно было бы сделать еще более интересные наблюдения, на что обратил свое внимание и Н.Т.Зарипов в своей статье, посвященной 1000-летию «Манаса», который, в частности, сопоставил его с башкирской версией эпоса «Идукей и Мурадым» [6]. А это говорит о продуктивности подобных исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ауэзов М.* Киргизская народная героическая поэма «Манас» // Киргизский героический эпос «Манас». М.: Изд-во АН СССР, 1961.
2. Башкирское народное творчество. Т.1. Эпос / Сост. М.М.Сагитов. — Уфа: Башкирское кн. изд-во, 1987.
3. Башкорт халык ижады: Эпос. 1-се китап / Төзөүсене М.М.Сәгитов. — Өфө, 1972.
4. *Валиханов Ч.Ч.* Очерки Джунгарии // Манас — героический эпос киргизского народа. — Фрунзе, 1968.
5. *Гафури М.* Әсәрзәр. 2-се том. — Өфө, 1953.
6. *Зарипов Н.Т.* «Манас»тың бөйөк ауазы // Башкортостан, 1995. 7 сент.
7. Киргизский героический эпос «Манас». М.: Изд-во АН СССР, 1961.
8. Книга отца нашего Коркута. Баку: Язучы, 1989.
9. *Кор-оглы Х.Г.* Узбекская литература. — М., 1976.
10. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. — М.: Наука, 1974.
11. Манас: Эпизоды из киргизского эпоса. — М.: Гос. изд-во худ. лит., 1960.
12. Манас: Эпос. 1-че китап / Сагымбай Орозбак уулунун варианты боюнча. — Фрунзе: Кыргызстан, 1979.
13. Манас: Киргизский героический эпос / Гл. ред. серии «Эпос народов СССР» А.А.Петросян; Сост. Б.М.Юнусалиев, С.М.Мусаев, К.К.Кырбашев; Пер. А.С.Мирбадалевой, Н.В.Кидайш-Покровской; Комментар. А.С.Мирбадалевой, Н.В.Кидайш-Покровской, С.М.Мусаева. — М.: Наука, 1984.